

Мифологема *kün aj* ‘солнце-луна’ в енисейских рунических памятниках: структура и семантика

Жанна Монгеевна Юша,

доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник отдела этнографии Сибири Музея ан-
тропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург.
E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

В статье на основе опубликованных рунических текстов проанализирована мифологема *kün aj* ‘солнце-луна’ в енисейских эпитафиях VIII—XI вв., которая являлась одновременно и устойчивой формулой, и художественным приёмом, символизирующим безвременную кончину героя эпитафии и окончательный уход человека из Среднего мира. Её применение в эпитафиях было продиктовано мифологическими представлениями, похоронно-погребальной традицией и траурным этикетом древних тюрков, а её использование в рунических текстах является краткой свёрнутой формулой, включившей в себя в сжатом и лаконичном виде множество культурных символов. В религиозных воззрениях создателей енисейских эпитафий небесные светила устойчиво ассоциировались с жизненным циклом человека от рождения до смерти, они являлись обязательными атрибутами не только Верхнего (для божеств), но и Среднего мира (для живых людей). В парном употреблении *kün aj* ‘солнце-луна’ наблюдается наличие бинарных оппозиций: день-ночь (солнце является дневным светилом, луна — ночным); мужской-женский (солнце имеет мужскую символику, луна — женскую); своё-чужое (в противовес всему чужому солнце-луна носят семантику «своего»); жизнь-смерть (солнце-луна как символы жизни противопоставлены смерти); освоенное-неосвоенное (родная земля воспринимается как символ освоенной территории в противовес потустороннему миру); своя-чужая земля (граница своей родины противопоставлена неизведанной чужбине). В работе также проанализированы полная и устойчивая структуры мифологемы *kün aj* ‘солнце-луна’, употребляющаяся в рунических текстах.

Ключевые слова: древнетюркские рунические памятники, енисейские эпитафии, мифологема *kün aj* ‘солнце-луна’, семантика и структура, тюркские народы Южной Сибири.

The Mythologem *Kün Aj* 'the Sun-the Moon' in Yeniseian Runic Monuments: Structure and Semantics.

Zhanna Yusha, Museum of Anthropology and Ethnography RAN, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru.

The paper, based on published runic texts, analyzes the mythologem *kün aj* 'the sun-the moon' in the Yeniseian epitaphs of the 8th—11th centuries, which was both a fixed formula and an artistic device symbolizing the untimely death of the epitaph's hero and the final departure of a man from the Middle World. Its use in epitaphs was dictated by mythological ideas, funeral and burial traditions and mourning etiquette of the ancient Turks, while its use in runic texts is a short, condensed formula with many cultural symbols in a brief and succinct form. In the religious beliefs of the creators of the Yeniseian epitaphs, the celestial bodies were consistently associated with the life cycle of a person from birth to death, and they were obligatory attributes not only of the Upper World (for deities) but also of the Middle World (for living people). The mythologem *kün aj* 'the sun-the moon' as a pair reflects a system of binary oppositions: day-night (the sun is the celestial body of the day, the moon is of the night); male-female (the sun has masculine symbolism, the moon has feminine symbolism); self-other (in contrast to everything alien, the sun and the moon have the semantics of "their own"); life-death (the sun and the moon as the symbols of life and death); developed-undeveloped (the native land is perceived as a symbol of a developed territory in contrast to the otherworld); native-foreign land (the border of one's homeland is opposed to the unexplored foreign land). The work also analyzes the complete and stable structures of the *kün aj* 'the sun-the moon' mythologem used in runic texts.

Keywords: ancient Turkic runic monuments, Yenisei epitaphs, the mythologem *kün aj* 'the sun-the moon', semantics and structure, the Turkic peoples of Southern Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Древнетюркские рунические надписи VIII—XI вв. — важные источники языка и письменности, культуры и мифологии тюрков Центральной Азии и Южной Сибири. По древнетюркским руническим памятникам имеется обширная научная литература нескольких поколений отечественных и зарубежных тюркологов, в которой исследованы языковые особенности рунических надписей. К ним относятся труды В.В. Радлова [16; 17], В. Томсена [25], С.Е. Малова [14; 15], И.А. Батманова, З.Б. Арагачи и Г.Ф. Бабушкина [1], И.А. Батманова и А.Ч. Кунаа [2; 3; 4], Д.Д. Васильева [5], Т. Текина [24], А.М. Щербака [22], Л.Р. Кызласова [12], И.В. Кормушина [10; 11], Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской, М. Эрдала [21].

По сравнению с трудами лингвистического характера, мифология древнетюркских памятников, особенно енисейских надписей, ещё малоисследована. Значимыми для этой области знаний являются

работы И.В. Стеблевой и С.Г. Кляшторного. В публикации И.В. Стеблевой [18] дана классификация древнетюркских божеств по уровням (от высшего к низшему), описаны мифологические представления, имевшие место в рунических текстах на основании надписей в честь Бильге-кагана, Кюль-Тегина и Тоньюкука. Эти же древнетюркские рунические памятники И.В. Стеблева в жанровом отношении определяет как историко-поэтические поэмы [19]. В древнетюркской мифологии С.Г. Кляшторный выделяет шесть основных мифологических сюжетов (миф о сотворении и устройстве мира; миф о космической катастрофе; мифы о богах и божественных силах; миф о божественном сотворении государства и небесном рождении каганов; миф о происхождении племени тюрк; миф о первопредках), которые объединены в три мифотворческих цикла (космогония и космология; пантеон и социум; этногония и генеалогия). Исследователь вкратце также рассматривает представление о времени и пространстве, образ кагана, космогонические и генеалогические мифы, присутствующие в древнетюркских рунических памятниках [8; 9].

В этих публикациях затрагиваются аспекты религиозно-мифологических представлений древних тюрков на основе текстов енисейских и орхонских памятников. О необходимости дальнейшего изучения мифологического аспекта рунических текстов в работе И.В. Кормушина говорится: «особенность ряда текстов <...> является не случайной и связана с определёнными религиозно-мировоззренческими представлениями, которые ещё предстоит изучить и осмыслить» [10, с. 278].

Цель статьи — выявление и описание роли устойчивой мифологемы *kün aj* ‘солнце-луна’ в енисейской рунической письменности; анализ структуры и семантики данной мифологемы. Работа основана на корпусе древнетюркских рунических памятников VIII—XI вв.

МИФОЛОГЕМА *KÜN AJ* ‘СОЛНЦЕ-ЛУНА’ В ЕНИСЕЙСКИХ ЭПИТАФИЯХ

На сегодняшний день существует множество вариантов употребления термина «мифологема», среди исследователей в этом вопросе нет единогласия. В данной работе мы придерживаемся мнения о том, что «мифологема — единица мифологической системы, характеризующаяся категорией „вера“, выраженная вербальным, вербально-музыкальным, акциональным и предметным кодом в народной традиции, выделенная на абстрактном уровне научным сознанием и воплощённая в народной культуре конкретно-образными средствами во множестве мотивов» [7, с. 13].

Древнетюркские енисейские памятники, по сравнению с орхонскими, представляют собой небольшие по объёму эпитафийные тексты. Несмотря на это, они по большей части имеют определённую композиционную структуру, отличаются художественными приё-

мами, в которых на первый план выходят мифологические воззрения, похоронно-погребальные традиции и обрядовый этикет древних тюрков. Как отмечал С.Г. Кляшторный, «образ мышления и стиль повествования побуждали создателей памятников к намёкам и упоминаниям, за которыми скрывались общеизвестные в той среде представления, верования, идеологические конфликты» [9, с. 118].

В енисейских эпитафиях часто присутствуют сожаления безвременно ушедшего из жизни меморианта о том, кого и чего он лишился. В надписях от первого лица он обращался к значимым ему при жизни объектам: государству, народу, супруге, наложницам, сыновьям, воинам-побратимам, солнцу и луне, священной земле-воде, имуществу, скоту и др.

Известный исследователь И.В. Кормушин деплоративную лексику енисейской руники разделил на две группы. «К первой группе в глагольных формах „я разлучился“, „я не наслаждался“ семантика сожаления передаётся косвенно, подразумевается. Вторую группу составляют слова „жаль“, „о горе“ и т.д. Они не называют чувства, но прямо и непосредственно выражают их (ср.: „испытываю горечь“ — „о горе!“» [10, с. 245]. В структуре эпитафий тексты обеих выделенных групп не имеют чёткой локации, они могут занимать как инициальные, так и срединные и финальные местоположения. Они оформлены от лица умершего, здесь всегда отсутствует ремарка создателя надписи. Тюрколог Э.Р. Тенишев считал, что язык енисейских памятников принадлежит более широким социальным слоям, в отличие от языка орхонских надписей, выполнявшего функции литературного языка аристократического типа [20, с. 170].

В енисейских эпитафиях присутствуют сожаления об утрате *kün aj* 'солнца и луны', выраженные с помощью глаголов-эвфемизмов и горестных восклицаний, в переносном смысле они обычно передают смерть выдающегося человека. Если обратимся в древнетюркскую мифологию, то небесные светила — солнце и луна — являются обязательными атрибутами не только Верхнего (для божеств), но и Среднего мира (для живых людей). Эти светила устойчиво ассоциируются с жизненным циклом человека от рождения до смерти в Среднем мире, считаются главными источниками тепла и света, поскольку «человеческий мир — это мир видимый, солнечный, живой» [13, с. 34—35], в отличие от подземного мира, где отсутствует солнце, а светит только ущербная луна.

Утрата солнца и луны, наравне с утратой земли-воды, в отличие от других типов сожалений (об утрате государства, народа, супруг, сыновей и др.), являются формулами, насыщенными мифологической семантикой. Парное употребление небесных светил *kün aj* в первую очередь связано с тем, что они содержат общие мотивы, символизирующие жизнь и благополучие человека в Среднем мире; жизнь под солнцем-луной для человека традиционного общества была равна понятию «быть живым, находиться на родной земле в освоенном

пространстве». В обрядовой практике ритуальные формы почитания данных светил у южносибирских тюрков имеют схожие элементы обожествления и почитания. Установлено, что в парном употреблении *kün aj* ‘солнце-луна’ наблюдается наличие бинарных оппозиций: день-ночь (солнце является дневным светилом, луна — ночным); мужской-женский (солнце имеет мужскую символику, луна — женскую); своё-чужое (в противовес всему чужому солнце-луна несут семантику «своего»); жизнь-смерть (солнце-луна как символы жизни противопоставлены смерти); освоенное-неосвоенное (родная земля воспринимается как символ освоенной территории в противовес потустороннему миру); своя-чужая земля (граница своей родины противопоставлена неизведанной чужбине).

Сожаление об утрате солнца и луны в енисейских надписях не является постоянным элементом, оно присутствует в следующих 11 эпитафиях: Е-7 (Барык III), Е-8 (Барык IV), Е-10 (Элегест I), Е-11 (Бегре), Е-12 (Алды-Бель), Е-42 (Бай-Булун I), Е-44 (Кызыл-Чираа II), Е-45 (Кёжээлиг-Хову), Е-92 (Демир-Суг), Е-147 (Ээрбек I), Е-149 (Ээрбек II), найденных на территории современной Тувы [10; 11]. Применение данной мифологемы в рунических текстах было продиктовано религиозными воззрениями, похоронно-погребальными традициями и траурным этикетом древних тюрков.

В рунических текстах Монголии (орхонские тексты) вовсе отсутствуют упоминания солнца-луны. В эпитафийной рунике Хакасии, хотя содержатся разные виды сожалений меморианта (об утрате супруг, сыновей, воинов-соратников, государства, народа и др.), в них солнце-луна не упоминаются. В алтайских рунических текстах «нет никаких обращений меморианта к остающимся живым родным и близким, народу, сюзеру (хану, беку), родным местам, солнцу и луне и т.д.» [21, с. 21]. Возможно, подобные тексты были разрушены и не дошли до современности, поскольку почитание солнца и луны в обрядовой и обычной жизни до сих пор характерно для современного тюркского населения Саяно-Алтая. Отголоски культа небесных светил сохраняются в обрядах жизненного цикла — свадебных и похоронных, а также в поверьях и запретах, языке и фольклоре [23, с. 18].

В рунических текстах, как отмечали исследователи, о смерти героя не принято говорить прямо. Согласно эпитафийному канону, в рассматриваемой мифологеме, как и в других типах мифологем, посвящённых различным утратам, большую смысловую нагрузку имеют три глагольных лексемы с оттенками сожаления в переносном значении, выраженные формой 1-го лица, ед. числа, прош. вр. — *adiriłtim* ‘я отделился’ от *adirił* — перен. ‘отделиться, разлучиться’ в знач. ‘умереть’ [6, с. 12], *bökmädim* ‘я не наслаждался’ от *bök* в знач. ‘удовлетворяться, быть довольным, наслаждаться’ [6, с. 117], *azidim* от *azi* — ‘перестал ощущать’ [10, с. 315].

С мифологемой *kün aj* в дополнение к трём приведённым глаголам употребляются горестные восклицания — *asiz* ‘жаль’, посесивная

форма 1-го лица, ед. числа *asizim* — 'как жаль мне!', 'как жаль!', 'о, горе!', *jita* 'как грустно!', которые ещё более усиливают трагичность и необратимость смерти героя эпитафии, поскольку надгробные камни ставили только выдающимся людям, которые имели огромные заслуги перед своим государством и народом. С помощью деплоративных глагольных лексем и горестных восклицаний передаётся семантика смерти, в которой лаконично сообщается и констатируется факт смерти выдающегося человека. Цель их употребления состоит и в том, что они вводят в текст эпитафии мотив прощания покойного с солнцем и луной, которые предназначены только для живых людей, что соответствует мифологическим воззрениям создателей надписи, поскольку умерший навсегда «отправляется» в потусторонний мир.

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА МИФОЛОГЕМЫ

Применение образа солнца и луны в рунических текстах выступало краткой свёрнутой формулой, включившей в себя в сжатом и лаконичном виде множество культурных символов, мифологических образов и выражений, в которых содержатся понятия о ценностях, особо важных для традиционной культуры.

Полная композиционная структура енисейской мифологемы *kün aj* 'солнце-луна', оформленная от 1-го лица меморианта, состоит из следующих элементов: 1) название объектов утраты; 2) указание местоположения солнца-луны на небе; 3) сожаление, выраженное глаголами-эвфемизмами; 4) горестные восклицания. Однако эта полная структура встречается только в трёх эпитафиях (Е-92, Е-42, Е-44), в остальных восьми эти элементы присутствуют частично. Следует отметить, что, несмотря на лаконичность эпитафий, горестные восклицания могут варьироваться и менять свою позицию в тексте: они могут стоять как перед/после упоминания объектов утраты, так и после глагола-эвфемизма.

В устойчивую структуру енисейской мифологемы *kün aj* 'солнце-луна' включаются: 1) название объектов утраты (содержится во всех 11 эпитафиях); 2) сожаление, выраженное глаголом-эвфемизмом и горестным восклицанием (Е-92, Е-42, Е-44, Е-11, Е-147); 3) сожаление, выраженное либо глаголом-эвфемизмом (Е-8, Е-7, Е-11), либо горестным восклицанием (Е-92, Е-42, Е-44). Только в одном тексте (Е-12) устойчивая формула сожаления *kün aj* 'солнце-луна' присутствует, однако глагол и восклицание, выражающие сожаление, в ней не применяются. Как отмечает И.В. Кормушин, этому имеется причина: в эпитафии (Е-12) вторая строка оказалась полностью стёршейся [10, с. 105].

Из одиннадцати енисейских эпитафий, в которых содержится бинарная оппозиция «солнце-луна», только в двух примерах (Е-7, Е-45) употребляется один компонент, т.е. небесное светило — солнце, в остальных девяти текстах (Е-8, Е-10, Е-11, Е-12, Е-42, Е-44, Е-92, Е-147, Е-149)

встречаются оба компонента — *kün aj* ‘солнце-луна’. Кроме этого, в десяти текстах используется парное сочетание *kün aj* ‘солнце-луна’, но только в одном примере на первый план выступает *aj kün* ‘луна-солнце’ (Е-12). Далее рассмотрим данные положения на конкретных примерах.

В некоторых случаях в мифологеме *kün aj* ‘солнце-луна’ уточняется местонахождение светил на синем (голубом) небе, что подтверждает сакральный статус Вечного синего неба в мифологических воззрениях древних тюрков. Приведём образцы употребления глагольных лексем *adīriltīm* ‘я отделился’, *bökmädīm* ‘я не наслаждался’, *azidīm* ‘я перестал ощущать’, которые употребляются в составе мифологемы *kün aj*.

Bökmädīm ‘я не наслаждался’. Глагол употребляется в значении ‘безвременная кончина героя, его ранняя смерть, сожаление о смерти’. Объектами сожаления в рунических текстах являются атрибуты Верхнего и Среднего мира — солнце и луна, которые олицетворяют человеческую жизнь в Среднем мире:

I. Транскрипция:

(1) ... *kün aj* : *bökmädīm-ä*

Перевод:

(1) ... солнце, луна, — я не наслаждался (вами)! [11, с. 212]

В следующем примере с *kün aj* ‘солнце-луна’ наряду с глаголом (*bökmädīm* ‘я не наслаждался’) употребляется и междометие *jīta*, которые усиливают в эпитафии горечь утраты.

II. Транскрипция:

(3) *kök täñridä*[ki] *kün aj äsizimä* [b]*bökmädīm j[īta]*

Перевод:

(3) Солнце и луна на голубом небе — о жаль мне, я не наслаждался, о горе! [11, с. 255—256]

III. Транскрипция:

(4) *kök täñridä äsiz kün aj ärmis jaγiz järdä äsiz el qan ärmis bökmädīm jīt-a äsizä*

Перевод:

(4) В голубом небе — жаль — были солнце и луна, на бурой земле — жаль — были государство и хан: я не наслаждался (ими), о жаль, о горе! [11, с. 254]

В енисейских эпитафиях с использованием глагола *bökmädīm* ‘я не наслаждался’ встречается один пример, когда объектом сожаления является только *kün* ‘солнце’ без упоминания *aj* ‘луны’. Возможно, что памятник был разрушен.

IV. Транскрипция:

(3) *täñridäki künkä järdäki elimkä bökmädīm*

Перевод:

(3) Солнцем на небе, моим государством на земле — я не наслаждался! [11, с. 208]

Adiriltim 'я отделился'. Глагол употребляется в значении 'смерть героя, его уход из Среднего мира'. Объектами сожаления, в том числе, являются солнце и луна, которые стали олицетворением земной жизни:

I. Транскрипция:

(3) *kok täñridä kün aj äsiz ärmiš jita äsizim-ä adiriltim-a*

Перевод:

(3) В синем небе — жаль! — были солнце и луна. Как грустно, как жаль мне — я отделился (от вас)! [11, с. 237]

Azidim 'перестать видеть, слышать (~ ощущать, чувствовать)' [10, с. 249]. Глагол употребляется как свидетельство наступившей смерти, когда герой уже перестал видеть и ощущать значимые объекты Среднего мира. В следующем примере, как и в случае с глаголом *böktädim*, объектом сожаления также выступает *kün* 'солнце', *aj* 'луна' не упоминается:

I. Транскрипция:

(5) *bir jetmiš jašimya kök täñridä küngä azidim äsizim-ä*

Перевод:

(5) На семьдесят первом году в синем небе я перестал видеть солнце, — как жаль мне! [11, с. 218—219]

II. Транскрипция:

(1) *...kün-ä aj-a azidim-ä*

Перевод:

(1) ...Как жаль мне, о, солнце и луна, — я перестал (вас) видеть! [11, с. 273]

Как видно из приведённых текстов, глагольные лексемы наравне с горестными восклицаниями извещают своих современников и будущих потомков в иносказательной форме и в соответствии с канонами существовавшей обрядовой традиции о смерти выдающегося человека. Устойчивая формула об утрате солнца-луны в рунических текстах являлась одновременно и мифологемой, и художественным приёмом, символизирующими безвременную кончину героя эпитафии, поскольку у древних тюрков эти светила были олицетворением жизни в Среднем мире, а их отсутствие или утрата подразумевала смерть героя, в честь кого был воздвигнут надгробный камень.

Следует отметить, что горестные восклицания в тексте могут находиться перед или после упоминания объектов утраты или после глагола-эвфемизма. Например, в памятнике E-45 (Кёжээлиг-Хову) говорится:

Транскрипция:

(1) *...kök täñridä : kün aj : äsizimä*

Перевод:

(1) ...В синем небе солнце и луна, — о, жаль мне! [11, с. 158]

Утрата солнца-луны мемориантом в текстах обычно описывается лаконично — названием объекта сожаления, сопровождающееся горестным восклицанием:

Транскрипция:

(7) ...kün aj äsiz-ä...

Перевод:

(7) ...солнце и луна, о, жаль! [11, с. 168]

Транскрипция:

(3) elim qanım-a äsiz-ä bökmädim kün aj äsiz jïta

Перевод:

(3) Моё государство, мой хан, — как жаль, я не насладился! Солнце, луна, — жаль, как грустно! [11, с. 222—223]

В следующем примере упоминается местоположение солнца-луны, в котором присутствует постоянный эпитет неба (*kök* ‘синий’), подчёркивающий почтительное обращение к небу, в мифологическом сознании древних тюрков неразрывно связанному с Верхним миром:

Транскрипция:

(1) ...kök täñridä : kün aj : äsizimä

Перевод:

(1) ...В синем небе солнце и луна, — о, жаль мне! [11, с. 158]

В енисейских рунических текстах содержится один пример, в котором в порядке перечисления среди значимых объектов утраты присутствует и мифологема *aj kün* ‘луна-солнце’. Если в других 10 образцах используется парное сочетание *kün aj* ‘солнце-луна’, то в данном тексте на первом месте выступает *aj kün* ‘луна-солнце’. В этом примере отсутствует глагол-эвфемизм или горестное восклицание, характерные для других десяти примеров. Возможно, что надпись была неполной. Однако, основываясь на других текстах можно предположить, что и в данном случае упоминание луны-солнца является объектом сожаления:

Транскрипция:

(3) sub jār kām qatun aj kün...

Перевод:

(3) Реки-озёра, госпожа-река Кем, солнце и луна... [10, с. 105]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в работе проанализирована мифологема *kün aj* ‘солнце-луна’, встречающаяся в енисейских рунических памятниках VIII—XI вв. В южносибирской мифологеме *kün aj* ‘солнце-луна’, присутствующей в структуре енисейских эпитафий, наблюдается обожествление и сакрализация небесных объектов не только Верхнего, но и Среднего мира. Эта мифологема была не только формулой, художественным приёмом, но и символом прощания и ухода человека; её применение в эпитафиях было продиктовано мифологическими представлениями, похоронно-погребальной традицией и траурным этикетом древних

тюрков. В религиозных воззрениях создателей енисейских эпитафий солнце и луна устойчиво ассоциировались с жизненным циклом человека от рождения до смерти. Применение образа солнца и луны в рунических текстах выступило краткой свёрнутой формулой, включившей в себя в сжатом и лаконичном виде множество культурных символов, мифологических образов и выражений. В наши дни сохранились представления о них как обязательных компонентах Среднего мира, о мужской и женской сущности небесных светил, отголоски которых проявляются до настоящего времени в различных явлениях традиционной культуры тюркских народов Южной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962. 252 с.
2. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл, 1963. Вып. I. 68 с.
3. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл, 1963. Вып. II. 44 с.
4. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл, 1965. Вып. III. 32 с.
5. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 126 с.
6. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
7. Иванова Т.Г. Мифологема и мотив (к вопросу о фольклорной терминологии) // Комплексное собирание, систематизация, экспериментальная текстология: материалы VI международной школы молодых фольклористов. Архангельск, 2004. С. 5—14.
8. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. С. 95—98.
9. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, 1981. С. 117—138.
10. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.
11. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.
12. Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. М.: Вост. лит. РАН, 1994. 327 с.
13. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.
14. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и исследования. М.—Л., 1952. 114 с.
15. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951. 447 с.
16. Радлов В.В. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме (Сборник трудов Орхонской экспедиции). СПб., 1897. 45 с.

17. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. СПб.: Изд. Имп. АН, 1893. 130 с.
18. Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 213—226.
19. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и её трансформация в раннеклассический период. М.: Наука, 1976. 214 с.
20. Тенишев Э.Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Ленинград: Наука, Ленигр. отд-ние, 1976. С. 164—172.
21. Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012. 152 с.
22. Щербак А.М. Тюркская руника. СПб., 2001. 148 с.
23. Юша Ж.М. Культ солнца и луны в верованиях и обрядах тюрков Саяно-Алтая // Традиционная культура. 2024. № 4. С. 14—21.
24. Tekin T. *Orhon Turkcesi Grameri*. Ankara, 2003. 273 s.
25. Thomsen V. Dr. M.A. Stein's Manuscript in Turkish 'Runic' Script from Miran and Tun-Huang // *JRAS*. 1912. P. 181—227.

REFERENCES

1. Batmanov I.A., Aragachi Z.B., Babushkin G.F. *Sovremennaya i drevnyaya eniseika* [Modern and Ancient Yeniseian Studies]. Frunze, 1962, 252 p. (In Russ.)
2. Batmanov I.A., Kunaa A.Ch. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Tuvy* [Monuments of the Old Turkic Script in Tuva]. Kyzyl, 1963, iss. I, 68 p. (In Russ.)
3. Batmanov I.A., Kunaa A.Ch. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Tuvy* [Monuments of the Old Turkic Script in Tuva]. Kyzyl, 1963, iss. II, 44 p. (In Russ.)
4. Batmanov I.A., Kunaa A.Ch. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Tuvy* [Monuments of the Old Turkic Script in Tuva]. Kyzyl, 1965, iss. III, 32 p. (In Russ.)
5. Vasil'ev D.D. *Korpus tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov basseyna Eniseya* [Corpus of Turkic Runic Monuments of the Yenisei Basin]. Leningrad, Nauka, Lenigr. otd-nie Publ., 1983, 126 p. (In Russ.)
6. *Drevnetyurskiy slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 677 p. (In Russ.)
7. Ivanova T.G. Mifologema i motiv (k voprosu o fol'klornoy terminologii) [Mythologem and Motif (On the Issue of Folklore Terminology)]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematizatsiya, eksperimental'naya tekstologiya: materialy VI mezhdunarodnoy shkoly molodykh fol'kloristov* [Comprehensive Collection, Systematization and Experimental Textology: Proceedings of the 6th International School for Young Folklorists]. Arhangel'sk, 2004, pp. 5—14. (In Russ.)
8. Klyashtornyy S.G. *Istoriya Tsentral'noy Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and Monuments of Runic Writing]. Saint Petersburg, Filol. fak-t SPbGU Publ., 2003, pp. 95—98. (In Russ.)
9. Klyashtornyy S.G. Mifologicheskie syuzhety v drevnetyurkskikh pamyatnikakh [Mythological Plots in Old Turkic Monuments]. *Tyurkologicheskiy sbornik 1977* [Turkological Collection 1977]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 117—138. (In Russ.)

10. Kormushin I.V. *Tyurkskie eniseyskie epitafii: grammatika, tekstologiya* [Turkic Yeniseian Epitaphs: Grammar, Textology]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 342 p. (In Russ.)
11. Kormushin I.V. *Tyurkskie eniseyskie epitafii. Teksty i issledovaniya* [Turkic Yeniseian Epitaphs. Texts and Research]. Moscow, Nauka Publ., 1997, 303 p. (In Russ.)
12. Kyzlasov I.L. *Runicheskie pis'mennosti Evraziyskikh stepey* [Runic Scripts of the Eurasian Steppes]. Moscow, Vost. lit. RAN Publ., 1994, 327 p. (In Russ.)
13. L'vova E.L., Oktyabr'skaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time. The Material World]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie Publ., 1988, 225 p. (In Russ.)
14. Malov S.E. *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i issledovaniya* [The Yeniseian Script of the Turks. Texts and Research]. Moscow, Leningrad, 1952, 114 p. (In Russ.)
15. Malov S.E. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* [Monuments of the Old Turkic Script. Texts and Research]. Moscow, Leningrad, 1951, 447 p. (In Russ.)
16. Radlov V.V. *Drevnetyurkskie pamyatniki v Kosho-Tsaydame (Sbornik trudov Orkhonskoy ekspeditsii)* [Old Turkic Monuments in Kosho-Tsaidam (Collected Works of the Orkhon Expedition)]. Saint Petersburg., 1897, 45 p. (In Russ.)
17. Radlov V.V. *K voprosu ob uygurakh. Iz predisloviya k izdaniyu Kudatku-Bilika* [Concerning the Uyghurs. From the Preface to the Kudatku-Bilik Edition]. Saint Petersburg, Izd. Imp. AN Publ., 1893, 130 p. (In Russ.)
18. Stebleva I.V. *K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy* [Towards the Reconstruction of the Ancient Turkic Religious and Mythological System]. *Tyurkologicheskii sbornik 1971* [Turkological Collection 1971]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 213—226. (In Russ.)
19. Stebleva I.V. *Poetika drevnetyurkskoy literatury i ee transformatsiya v ranneklassicheskiy period* [Poetics of Old Turkic Literature and Its Transformation in the Early Classical Period]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 214 p. (In Russ.)
20. Tenishev E.R. *O naddialektnom kharaktere yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov* [On the Supra-Dialectal Nature of the Language of Turkic Runic Monuments]. *Turcologica. K semidesyatiletiyu akademika A.N. Kononova* [Turcologica. On the 79th Anniversary of Academician A.N. Kononov]. Leningrad, Nauka, Lenigr. otd-nie Publ., 1976, pp. 164—172. (In Russ.)
21. Tybykova L.N., Nevskaya I.A., Erdal M. *Katalog drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov Gornogo Altaya* [The Catalogue of Old Turkic Runic Monuments of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, 2012, 152 p. (In Russ.)
22. Scherbak A.M. *Tyurkskaya runika* [Turkic Runic Writing]. Saint Petersburg, 2001, 148 p. (In Russ.)
23. Yusha Zh.M. *Kul't solntsa i luny v verovaniyakh i obryadakh tyurkov Sayano-Altaya* [The Cult of the Sun and the Moon in the Beliefs and Rituals of the Sayan-Altai Turks]. *Traditsionnaya kul'tura*, 2024, no. 4, pp. 14—21. (In Russ.)
24. Tekin T. *Orhon Turkcesi Grameri* [Grammar of the Orkhon Script]. Ankara, 2003, 273 p. (In Turk.)
25. Thomsen V. Dr. M.A. Stein's Manuscript in Turkish 'Runic' Script from Miran and Tun-Huang. *JRAS*, 1912, pp. 181—227. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 18.04.2025